

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

Елена Безрукова

**ЕЛЕНА
БЕЗРУКОВА**

книга ветра
стихотворения

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru
С.-Петербург
2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6—5
Б39

Авторы проекта «Библиотека российской поэзии»
Ильдар Маматов, Александр Кердан

ЛИСТАЯ ВЕТЕР

О поэзии Елены Безруковой

Драгоценный поэтический дар, несомненно более значимый, чем любые эксперименты с обновлением формы и содержания, — стремление к предельной искренности и ясности, крайней степени достоверности ощущения жизни. Ведь именно из этого ощущения рождаются и органичность стихотворных форм, и уникальность индивидуального, личного поэтического мира.

«Книга ветра» Елены Безруковой от стихотворения к стихотворению раскрывает нам удивительную вселенную, мир нашей современницы, глубоко причастной к духовной традиции родной культуры — и уже обретшей свой неповторимый голос, гармоничный поэтический универсум.

Поэзия сама по себе — стихийна, и потому напрямую родственна Природе. Книга Безруковой насквозь пронизана природными стихиями — это воды, ветра, это отражающие их мелодии и чувства... Стихию невозможно подчинить, её возможно только ощутить и осмыслить — тогда она сама становится частью высшего замысла, его музыкой, доступной и внятной поэту.

*Ты есть во всём живом, ты — сама вода,
Всё породняя тёмной стихией этой.
Все тебя видят. Никто тебя не видал.
Все только верят, что ты существуешь где-то.*

Доверяясь «Книге ветра» с первых строк, довольно быстро понимаешь: тебе предстоит прочувствовать, прожить то трагическое и светлое состояние молодости, когда так пронзительно ощущается инстинкт истины, когда сквозь реальность обыденного мира всё время отчётливо проступает реальность духа. Трудно —

ISBN 978-5-91076-070-1

© Е. Безрукова, 2015
© Издательство «Маматов», 2015

почти невозможно! — определить, что же из них всё-таки реальнее, и приходится делить цельный и целостный мир на этот, зримый и осязаемый, и тот, не менее властно убедительный:

*Посмотри на восток: к нам оттуда идут облака.
Есть ли вести из дома? —
Я жду, приподнявшись с постели.
Мы не знаем, откуда мы родом, но издалека,
Потому что привыкнуть к земле
до сих пор не успели...*

Потом, позже, происходит понимание и соединение этих миров в сердце, в душе. В идеале человек был и остаётся средоточием, точкой схождения всех смыслов бытия, но это ещё предстоит осуществить поэту — и сколько силы нужно на то, чтобы накрепко соединить в себе духовное, идеальное — и материальную реальность!

В мире стихий, перед временем, перед Природой, судьбой, любовью и смертью человек открыт настежь, он ничем не защищён и так остро чувствует свою слабость, свою мгновенность! — но вот именно здесь, в том понимании чудесным образом и рождается его сила. Поэтическое достоинство книги в том, что Елена Безрукова в каждом своём стихотворении стремится к пределу — то есть к обретению силы:

*Хватая сердцем жизнь, как небо ртом,
Когда дыханье — сплошь из передышек,
Друзья мои, мы плачем об одном,
Когда о разном говорим и пишем...*

Авторское поэтическое доверие (тоже — предельное!) обязывает и читателя. «Книгу ветра» нельзя перелистывать отстранённо, с холодным сердцем. Её придётся именно прожить. Непривычный, но такой узнаваемый свет озаряет строки изну-

три, постоянно подсвечивает реальность — а иногда она просто стирается, и тогда свет бьёт в глаза напрямую. Это ощущение жизни на её максимальную глубину (высоту) насыщает смыслом обыденные штрихи и детали.

*Я различаю трещины в коре
Земли что держит и меня и маму
И смотрит мёртвый голубь во дворе
Упрямо
В меня а там в солёной глубине
Едва качнётся стрелкою минутной
Резиночка от варежки ко мне
Мой грязно-белый стропик парашютный.*

В творчестве Елены Безруковой нет так называемой поэтической «гладкости» — поэтесса владеет, может быть, не столько (пока) внешней формой стиха, сколько (уже!) его силовым полем, удивительно точным движением чувств и мыслей — к невыразимому.

Естественно и прекрасно состояние, когда под напором поэтической силы ломаются синтаксические конструкции, не хватает слов — и приходится додумывать что-то буквально «на ходу», в потоке речи, но зато — как свежо и достоверно, до болевого, ощущение жизни,

*Где спросонья воздуха пригубишь,
Словно из твоих прохладных рук.
Где ещё не знаешь, что погубишь,
Веточкой очерчивая круг...*

Высокое поэтическое косноязычие — добрый знак! Знак силы, обещание будущего. Поэт, к счастью, словно не знает, что есть нечто невыразимое — ему хочется выразить всё, и — о чудо! — за строками, над ними — это удаётся.

*Какая глубина
 горячий лоб изранит,
Когда откроешь дверь
 и по свету пойдёшь,
По свету, по земле,
 в рассвет сырой и ранний,
Где лик умоет дождь,
 переходящий в дрожь...*

То предельно усложняя, то впадая в «неслыханную простоту», — все средства хороши, чтобы приблизиться к истине! — поэт ведёт нас таинственными путями стихий. И сам он, весь он — стихия, потому что это в нём отражены река, ливень, снег, деревья, птицы, поля — из глубины его души проступают таинственная лестница в высоту, сад с загадочным домом, неудобная колыбель неведомого горя...

Мелодии стихов очень разнообразны. Елена Безрукова свободно чувствует и глубокое дыхание долгой строки, и спринтерский ритм строки короткой. Чувство органично «ложится» на музыкальную канву, и она, как волна, несёт мысль от строфы к строфе. Порой возникает и ощущение музыкальной инерции — так пловец, устав бороться с волнами, отдаётся их воле и отдыхает, набирая силу. Но когда жёсткая «клетка» чётко организованного ритма становится поэту тесной — тогда рождается другая, свободная речь:

*А кроме любви ничего и нет.
Проснусь оттого, что ребёнок во сне повернулся
И пяточки мне положил на живот.
Живёт,
Как будто скользит по воде — я хочу дотянуться,
А всё не могу, безумия не достаёт.
Шумит Вселенная всеми своими ветвями,*

*И падают яблоки ночью с ветвей.
Не сплю, а слушаю воздух, летящий над нами,
И спящие реки подземных вен.*

Но и в свободной речи поэта нет уже ставшего грустно привычным для нас, читателей, авторского произвола, есть только веление чувства, путь мысли — и это тоже добрый знак!

Стихи «Книги ветра» пронзительно современны — об этом уже было сказано. Их современность родом из традиции, где человек — зеркало мира, тот, кому дано видеть, ощущать, сотрудничать с незримым, угадывая небесные токи, пропуская через свои нервы силовые линии бытия. Сознание всё время скользит по тонкой грани между внешним и внутренним, и стихии внешнего мира, пересекая невидимую границу, становятся любовью, тоской, гордостью, смирением или смутой.

*Этот ветер — то ли след помела,
То ли бабочка крылом повела?
То ли в памяти сквозь темень вошло
То, что ветра поднимает крыло?*

Книга насквозь полифонична: мелодии и темы, как воздушные потоки или прозрачные водяные струи, легко переплетаются, распадаются на струи, откликаются друг другу через расстояния. Постоянным остаётся ощущение нити — связи с миром — нерва, по которому идёт таинственный ток. Ниточка ли это от воздушного шара, лёгкой детской радости? Нить ли это Ариадны в каменном лабиринте обыденной жизни? Нить дороги, разрезающей просторы родного поэту Алтая? Или собственная жилка, пульсирующая в зажатом кулачке лирической героини?

*Я вода — я хлыну,
я темна — я вижу*

*Света золотого неземной огонь.
Если больно, значит, я сумею выжить.
Значит, мне ты ниточку вложил в ладонь...*

Избранное Елены Безруковой выходит в свет в непростые времена. Мучительно и страшно сознавать, что человек заблудился в этом мире, отрёкся от Природы — в том числе и от Природы в себе самом, и сегодня, пожалуй, только поэзия во всю свою силу стремится говорить с нами о том, на чём держится жизнь, куда она стремится и чего ждёт от нас.

Состояться, обрести свой голос, открыть свой мир сегодня трудно, кажется, как никогда. Но испытание силы — не есть ли её обретение?

*Когда б нам думать в эту высь,
Как тяжки дни и тщетны цели, —
Мы никогда б не долетели.
Мы от земли б не поднялись...*

И вот они, строки уже не на юношеском пороге жизни, а в её стремнинах, на её неумолимых ветрах, слова на долгое, непростое, но до краёв наполненное поэзией событие с целым миром:

*И чтобы ты мне запомнилась
Сквозь жаркого солнца холодность,
Приди и пролейся, молодость,
Беспечностью дождевой,
Дневную тоску взрывающей,
Движеньем — к душе взывающим,
Стремленьем — пока жива ещё,
Остаться ещё живой.*

Нина Ягодинцева

* * *

Тревога, патока подкожная,
Густая кровь за поворот
Реки — я верю в невозможное!
Река захлёстывает рот,
В её разладе тело корчится,
И плыть — как петь за упокой:
Ещё чуть-чуть — и жизнь закончится,
Ещё чуть-чуть — и жить захочется,
Пропавшей, смертной, хоть какой...
Побереги меня внезапною
Пунктирной мыслью обо мне
Не в тишине под ряской затхлою,
А в этой страшной глубине,
Где голоса, как нитки, порваны,
Где кости выгнуты в упор,
Где пузырьки птенцами чёрными
Срываются с подводных гор...

* * *

Дай сбыться всему, что нависло
Над кромкой усталой земли!
Вон сходятся буквы и числа
В грозящей грозою дали —

Всё то, что мы скудно делили,
Всё то, что хотели спасти,
От взмаха мятущейся пыли
Рванёт по свинцовой степи,

Как чёрный табун сумасшедший
От сна предрассветных оков
Несётся на волю поспешно
Сквозь кольца широких зрачков.

Ты слышишь их бег в своём теле.
Ты знаешь какой-то запрет,
Чтоб кони прорваться успели
На белый, мерцающий свет...

Проснуться б, разбить о ресницы!
Да их ворожба не даёт.
Их пенная шкура дымится,
И гневные ноздри вот-вот...

И веет бедовым поверьем
Их запах — как близость поры
Оставить открытыми двери
И слить воедино миры...

* * *

Если загадывать — то ливень густой в окно,
Мокрые ветки — русалочки косы, руки...
Мысль — это брод не за реку, а на дно,
И если она спасенье — то лишь от скуки.

Как голова одуванчика, но глупей,
Лампа фонарная — всё-то кивнуть боится.
Улица голубятен без голубей,
Узкая и прогорклая, как больница...

Брось врачевание, в белом не мельтеши,
Капельнице не стать никогда веной.
Что ни чужой — все к тебе, да на дно души,
Словно другого места нет во вселенной.

Думаешь, там хорошо? Кто тебе сказал? —
Пыльный чулан, сырость по стенам плачет...
Ну, в лучшем случае — смытый дождём вокзал,
Где мокрый тополь беглую птицу прячет...

* * *

Медленные ночи расставаний.
Чёрные от света фонари.
Я больна тенями и словами,
Точно плод с распадом изнутри.

Косточка, подточенная смертью,
В мякоти, как точка на мольберте,
Ты — начало, семечко, зерно.
Ты полна надеждой осторожной,
Потому что всё ещё возможно,
И ещё ничто не решено..

Ветер, превращающийся в камень,
Я ловлю наивными руками
Ниточку безумья твоего.
Мы искали радости на свете,
А уйдём, как выросшие дети,
В мир, где не изменишь ничего.

* * *

Господи, сколько назначено
Горя, любви и души!
Светом нездешним оплачено
Предначертание жить.

Воздух вдыхая, подраненный
Неразделённой весной,
Всё принимаю заранее,
Что ты задумал со мной.

За дерзновенье довериться
Вещей печали твоей
Жизнь никогда не изменится
На подражание ей.

Строки бедою горячечной
Рушатся между висков.
Сколько души нерастраченной!
Вот и неси высоко.

* * *

Где россыпью дома,
Машины и собаки,
И булки голубей,
И семечки с руки, —
Там лестница висит,
Незримая для всяких,
Кого маршрутки ждут,
И служба, и долги.

Ступеньку улови,
Как подбираешь ноту,
Чтоб спеть всего себя,
Не допуская лжи.
И точно тёплый мёд
Закладывая в соту,
В один воздушный шаг
Весь замысел вложи.

А дальше поспедай,
Как воробьишка, прытко —
Ведь лестница летит,
Ведь лестница плывёт.
А хочется узнать,
Чем кончится попытка,
К чему прикреплены
Верёвочки её.

А дальше, дальше что?
Раскачивает ветер

Верёвочную ось
Всей музыки моей.
Два мига, два шажка —
И краешек засветит!..

Но чем взрослее я,
Тем лестница
длинней...

* * *

Я просыпаюсь. Я схожу с ума.
Ночь так напряжена: шепни — и рухнет!
И остро дышит первая зима
В открытой наспех форточке на кухне.

Горячим взглядом по двору скольжу,
Снег выпавший слезами прорезая,
И что-то важное до боли зная,
Ищу слова — и слов не нахожу.

Что означают снега мотыльки
И тишина, отточенная снегом? —
Что жизнь и смерть (хоть та и ходит следом),
Что жизнь и смерть — безумно далеки.

Расстанемся, состаримся, умрём,
И пауза замрёт, как будто нота.
Но вдруг проснётся и заметит кто-то,
Как остро пахнет снежным октябрём...

А снег смотреть — что колыбель качать:
Какие в этом счастье и кручина!
Но мне не стыдно плакать беспричинно
И жить, а это значит — ощущать...

* * *

Я взяла эту ноту — значок
В партитурном корявом разбеге,
Карандашный отточенный штрих
С червоточиной — да и всего.
Взбудораженно и горячо,
Через воздух прокуренный, пегий,
Лишь её — среди звуков других,
Точно лучше и нет ничего...

Я взяла её...
В гулких висках,
В чутком трепете каждого нерва
Резонирует горечь её,
Как судьба на ладони дрожит.
Боже мой, как она высока,
Что другую такую, наверно,
Я уже никогда не возьму,
На другую не хватит души!

А в глазах всё темней и темней...
И со звуком последняя сила
Из души постепенно ушла,
Оставляя одну немоту.
Жизнь моя, да зачем же ты мне
Высотой глаза заслонила
И дорожную нить провела —
Да не так, и не там, и не ту?

* * *

Как пыль с плаща,
Слетит благополучье.
И тронет белизной: «А кто же ты?»
Ты одинокий путник,
Ты попутчик
Трясущейся вагонной пустоты.

Ты вышел на перрон на полустанке,
Ты умер там.
И в разных сторонах
Развеет ваши с поездом останки,
Развеет звуки в ваших именах.

Как ты в степи
Прислушивался к звуку —
В пустой травинке
Времена гудят —
Так пустота взяла тебя под руку
И повела на родину назад.

* * *

Это — пульс разбега,
это жарко,
странно.
Воля, время, ветер —
по моим плечам.
Лёгкое скольжение моё,
мне страшно
От вибраций скорости твоей звучать.

Это лики бога —
в человеческих лицах.

В темноте автобусной туннель сквозной.
Проведи меня,
не дай сморгнуть мне,
сбиться.

Взглядом чьим-нибудь
заговори со мной.

Я вода — я хлыну,
я темна — я вижу
Света золотого неземной огонь.
Если больно, значит, я сумею выжить.
Значит, мне ты ниточку вложил в ладонь.

* * *

Какое проступает расставанье
Сквозь этот воздух тёмный и сырой!
Ни время и ни даже расстоянье,
Ни тягостной тревоги разрастанье
Не метят в нас ни камнем, ни стрелой.

Мы живы так, как будто жизнь согласна,
Чтоб мы, войдя, остались насовсем —
Без перемен, без спешки и соблазна
Жить безнадёжно и любить напрасно.
— Но по-другому, — скажешь ты, — зачем?

И потому, предчувствием тревожа,
Когда тревога глубже и длинней,
Жизнь понесёт, натягивая вожжи.
Любовь? — Не знаю, кажется, похоже.
Расстанемся, не говоря о ней.

Потом мне будет просто и устало
В прошедшем говорить «любимый мой...».
И разлучила жизнь, и расхлестала.
Теперь из жизни той, как прочь с вокзала,
Где глянут понимающе — «домой».

* * *

Вот улыбка — лодочка, челн
В страны, где в пыли босиком
Жизнь ветхозаветнее, чем
Глиняный кувшин с молоком.

В домике молчанье плывёт,
Словно запах хлеба с огня.
Сонный день, струящийся мёд,
Подержи в ладонях меня

В двух витках от мёртвой петли,
В двух глотках от мёрзлой земли,
В детском сне, детсада окне,
Где рукою сын машет мне.

Помню жизнь на запахах и вкусах.
Помню и запомнить боюсь
Дым табачный, рот в молоке,
Вечные, как жизнь в мотыльке...

* * *

Замолчала река, пряча тайны свои в зазеркалье,
И ветра не зовут, лишь меня продувают насквозь.
И живут во мне думы — древней, чем рисунки на скальных,
Ну, а сердце неопытно, будто вот-вот родилось.

...Мама, ты и не знаешь, я втайне тебе обещала
Быть счастливой, чтоб ты никогда не жалела меня.
Что ж я делаю здесь и куда я бреду одичало,
На ветра в своём сердце советы твои разменяв?

Я не странник ещё на дорогах, от мудрости чёрных,
И слаба моя вера, и холодно мне на ветру.
Я ещё не из этих, потерянных и посвящённых,
Но в своём обещанье я вру тебе, милая, вру...

* * *

Что ещё за кадром остаётся?..
В кадре руки в луже ключевой
Веточкой размешивают солнце,
Белое от пены кучевой.

Только ил из недр окаменелых,
Только перья почвы под водой
По спиралям медленным и смелым
Следуют по веточке за мной.

То ли к свету, то ли к богу — руки,
Ветки, прорывая времена,
Будто прочь от голода и скуки
Прорастают к небу из меня.

Там, на чёрно-белом, троекратно,
Рухнет снег из тьмы над головой.
Где ты? Позови меня обратно
В день до первой боли огневой,

Где спросонья воздуха пригубишь,
Словно из твоих прохладных рук.
Где ещё не знаешь, что погубишь,
Веточкой очерчивая круг.

* * *

Посмотри на восток:
 к нам оттуда идут облака.
Есть ли вести из дома? —
 Я жду, приподнявшись с постели.
Мы не знаем, откуда мы родом,
 но издалека,
Потому что привыкнуть к земле
 до сих пор не успели.

Помаша им рукой,
 облака нас не могут найти,
Мы утратили связь,
 мы запутались за поворотом.
Даже просто любить —
 не хватает нам этих пяти
Человеческих чувств,
 точно ведомо большее что-то.

Над землёй голоса для земных —
 так похожи на шум.
Мы уходим в пески,
 а пески отпускать не желают.
Что за странную тайну
 я в сердце глубоком ношу? —
Я забыла язык,
 на котором она оживает.

* * *

Струна моя, душа моя, тоска...
Раскачивает ветер законье.
Я призраку, я промельку близка,
И ты сквозь пелену меня запомни.

Откуда знать мне, что произошло
Со мной, подвластной всем ветрам и силам,
И что — легко, а что невыносимо, —
Болераздел снегами занесло.

Пусти меня, больничная кровать,
Качаться ветром, отголоском думать:
Что мне теперь в пустые жилы вдунуть,
Коль жизнь дарить — почти что отдавать?..

* * *

Кромка прибрежных снов, пережиток, память,
Как мне исчезнуть, чтобы тебя не ранить,
В сеточке линий ладони твоей упрямой
Привкусом жизни — тонкой, порочной, пряной...

Пауза в строчке, клапан митральный, тихо,
Смерть в затычном вагоне — табличка «выход».
И никому не скажешь, как страшно это —
Не позвонить с глупым вопросом: «Где ты?»

* * *

Т. Баймундузовой

Хватая сердцем жизнь, как небо ртом,
Когда дыханье — сплошь из передышек,
Друзья мои, мы плачем об одном,
Когда о разном говорим и пишем.

Мы таинством словесным поросли.
Но, тайн боясь, проходят люди мимо.
Мы — нервы умирающей земли,
И наши клетки невосстановимы.

Ты книжных полок тронь иконостас,
И знание чьих-то строк придёт, как святость.
Кому ж ещё, кому, помимо нас,
Кому, помимо нас, ещё осталось

Читать дрожа, припав душой к строке,
Где каждый звук навзрыд перецелован,
Читать на нерасхожем языке
Поклонного молчанья перед словом,

Которое — пока ещё любовь,
Которое — пока ещё оттуда
И может быть в обличии любом
Проводником к начальному чему-то... —

Не называйте! Главному черёд
Быть названным — в свои наступит сроки.
И будет то, что зналось наперёд
И больно прорывалось через строки...

* * *

Жар прорывая коленями и локтями,
Вздвогну, проснусь: градусника шкала
Луч одинокий вверх к поднебесью тянет...
Бабочка паутину крылом прожгла.

Я не хочу за лучом. В этих мокрых тучах
Нам, сухопутным, вовсе пощады нет.
Что я в миру убийственных звёзд падучих?
А на ладони камушек держит свет.

А на ладони — той паутины нитки,
След от ожога с кожи уходит вглубь.
Глупо хранить лица, стихи, открытки
С первого класса — до смерти когда-нибудь...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Призрак ангела бродит по всем этажам,
Подбирая ключи и отмычки
К табакеркам уснувшим простых горожан,
Тех, что спят по ночам по привычке.

На площадке, где воздух промёрз, как цемент,
Об извёстку — окуроч, и — снова:
Где же тот, отщепенец, дурак, пациент,
За каким притаился засовом?

Ангел выйдет во двор, от бессилья дрожа,
Вспоминая тоскою рассветной
То, как тёплую душу в ладонях держал,
И Господь улыбался приветно,

Как из тела на воздух святой выносил,
Тяжела — да не ищут полегче.
Как хватило у этого малого сил
Утащить её в мир человеческий?

И шатайся теперь, темнотой шебурша,
Будто ветер слепой в мелколесье.
Как он мог? Человечья ли ноша — душа?
Равновесье украл, равновесье...

* * *

Кто эту ноту впрыснул в этот воздух?
Кто в кровь мою речную — этот звук,
Чьё тельце бьётся в берегах венозных,
Как будто просит материнских рук?

Нет, музыка, тебя не существует!
Пропарывая небо плавником,
Твой звук посмертно черноту целует
И на тот свет уходит напрямиком,

Сверкая пустотою изначальной, —
В прорез, в незарастающий просвет...
Ты от рода — не нота, а молчанье,
И нас с тобой на самом деле нет.

Мы призраки, мы сны — не оттого ли
Попробуй, что мы живы, усомнись,
Когда струна до настоящей боли,
Вибрируя, колеблет эту жизнь.

Ты, музыка, не нотой, а — искрою!
Сойтись с тобой — предать себя костру.
Стой!
Я лицо ладонями закрою —
А пальцы кровью пахнут после струн...

* * *

Узнавание медленно тронет глаза.
Узнавание медленно сердце кольнёт.
Где-то меж «да» и «нет»,
 между «против» и «за»
Тает лёд...

Эту талую воду я медленно пью,
И она горяча, хоть и так холодна.
И как будто живу, и как будто люблю
И не чувствую дна.

Всё, что найдено только что — было всегда,
Всё едино, лишь высмотри, только пойми,
Ведь мы знаем не больше, чем знали тогда —
Детьми...

Я когда-то с водою покинула плен,
Но зовёт из глубин меня та же вода.
И когда этот лёд растворится совсем —
Тогда...

* * *

Возьми меня под руку. Улицы тихо дрожат
В вечернем тумане, в дождливых рассеянных нотах.
Они нас не знают, ни чуточку не дорожат,
Они самостийны в неспешных своих поворотах.

Дойдём вот до этих подёрнутых временем мест.
Какая во всём многократная сиюминутность!
Какая во мне... И из девочек, и из невест
Я вышла стремительно, только лишь
соприкоснулась.

Ну что же теперь нам осталось, ну что же теперь?
Легко ли мне вымолвить — что же, ищи среди прочих?
Я вымолвлю это, а ты мне послушно поверь...
Но ты будешь рваться из этих смиряющих строчек.

Мы тянем молчанье, как цену словам узнаём.
Мы всё понимаем, но разве от этого легче?
Ты где-то обронишь прохладное имя моё,
А я с каждым шагом — далече, далече, далече...

* * *

Диане

Одиночество — суть, остальное — обман и усталость.
В тёмной кухне молчать и в окно сигаретой дымить.
Это просто зима в сне глубоком своём застоялась,
Точно снега по грудь — и не выйти, и не растопить.

То ли нервы напярчь — и упрямо искать и пытаться.
То ль теченье найти — и неси, голубая вода.
Я стремлюсь к пониманью, и в этом моё святотатство,
Я теряю рассудок — и в этом моя правота.

Вера в глупое чудо и неба кусок голубого,
Кто-то близкий с тобой — вот бесхитростная благодать.
Если то, что глядит со страниц наших детских альбомов,
Растерялось, так значит, нам нечего больше терять.

Только солнечный луч пробежится по сонной постели,
И откроется день, и с собой принесёт что-нибудь...
Если мы одиноки — то попросту мы повзрослели,
И пора выходить на большой и неведомый путь.

ОЗЕРО БАЛХАШ. КАЗАХСТАН

Руки в муке измазаны,
В солнце и чешуе.
Лето парит, не сказанное,
В выжженной тишине.

Каплет, как мякоть дынная,
Солнце, и плечи жжёт.
И, бесконечно длинная,
Жизнь не торопит счёт.

Ты не спугни, пожалуйста,
Этот спящий кадр —
Лето, второе августа,
Жаркое, как пожар,

Небо, водой объятое,
Волны, ребячий визг,
Эта вода крылатая
С чайками вместо брызг.

Крылышка стрекозиного
Призрачный божий глаз,
Дай нам для счастья зимнего
То, чего нету в нас.

Не уговь из жалости
Вечного лета, нет, —
Выучи благодарности
И отпусти на свет.

* * *

Я пробелом строку заменяю,
потому что честнее,
Потому что в слова
я незримого яда волью.
Я сказать о любви не могу,
потому что не смею,
Потому что люблю
или кажется мне, что люблю.

Промолчу. Пусть в гортани
теснятся слова раболепно,
Чтобы свет их небесный
от крови моей заалел.
От небесного света
я не прозреваю, а слепну,
Потому что стою
на безмерно высокой земле.

* * *

Это я, это не кто-нибудь. —
О других теперь —
 ни о ком.
Ты — просвет
 от земли и до неба,
Жизнь —
 сгустившийся в горле ком.
Будь со мною. —
 Сердца не выдержат. —
Будь тем более
 вопреки. —
Только ты,
 не простившись, выйдешь, а
Я —
 осколком твоей тоски
Упаду
 и пораню, падая,
Опьяняюще глубоко.
Даже если
 тебе не надо, я
Знаю:
 раненому легко
Уходить —
 мол, за всё заплачено:
Сколько кровушки —
 и души,
Сколько света в глазах горячего! —
Потуши его,
 потуши.

И потом
 никому не сказывай —
Спрячь надёжно и глубоко
За душой,
 за судьбой,
 за пазухой..
Тяжко быть?
 А молчать — легко.

* * *

Только призрак пропащий
За плечами застыл
Пустотою мертвящей —
Болью сорванных жил.

Где пожары ночные
Выжгли вены во мне —
Точно русла речные
На сгоревшей земле.

До рассвета-разбега
Век дремучий пролёт.
Снега, пригоршню снега
На горячий висок...

* * *

Сны — горошины белые — катятся по мостовой,
Недоступные, бедные, ранящие нас с тобой.
Как незримые дети — могли бы случиться, да нет, —
Ах, как громко кричат все, кто не был допущен на свет...

Звякнет ручка ведра, стукнут часики в белый висок,
Не уснув до утра, на халате порву поясок.
Бьются зубы в стакан, разрывая на части глотки.
От бессонных ночей угольками рассветы горьки.

Жизнь, как дым от лучины, — в расщелину между штор.
От чего отлучили,
 что отняли,
 вспомни,
 что...

* * *

Темно. И потому светло
Внутри, где свет укрылся на ночь.
Лицом в подушку, но не навзначь,
И сплю, и сон рукой сняло.

Мир шепчет, как под ветром сад,
И голос медленно и просто
Меня к себе вернуться просит,
К своей исконности, назад.

Вернись, покуда молода —
Здесь возвращается не каждый.
Но где была я, кто подскажет?
Куда вернуться-то, куда?..

* * *

Саше

Это не трава,
Это мысли мои о тебе.
Поле, где летают ветра или блудные души,
Поросло туманом, как тайнами — слово «Тибет»,
И далёкий колокол птицей разбуженной кружит.

Всё, что не проявлено было,
Покажет лицо,
Птицею с востока на запад рванёт за тобою.
Это не польнь, это руки твоих праотцов
Говорят: «Лети от земной за небесной любовью».

Заступаешь в круг,
Зарождённый луною во мгле,
Будто бы от сна затяжного, от жизни воскреснув.

Помяни меня.
Я умру на холодной земле,
Прожигая выдохом-ветром покой поднебесный..

* * *

Страшные ветра, те ещё..
Правда на земле — ложь.
Ешь своих детей, времище,
Только моего — не трожь.

Помешай клюкой варево,
Слышишь? — из веков шаг —
Мальчик мой в рассвет, в зарево
Превращает твой мрак.

Небеса полны грохота,
Помыслы полны войн.
Проведи меня, крохотка,
В милосердный мир твой.

Холодит рассвет смолоду.
С ночи выходи, сын,
Уводит ветра по воду
Да пускать в поля сны...

* * *

Я с варежек роняю мокрый снег
Остатки солнца в золотых сугробах
И дышит жизнь, как девочка во сне
Не трогай

Там мама ставит часики на семь
И в сон уходит белыми плечами
Я умненькая (глупая совсем)
В начале

Я выкормлена тёплым молоком
Но тельце школьной формою окутав
Я изучаю страх под языком
Откуда

Я различаю трещины в коре
Земли что держит и меня и маму
И смотрит мёртвый голубь во дворе
Упрямо

В меня а там в солёной глубине
Едва качнётся стрелкою минутной
Резиночка от варежки ко мне
Мой грязно-белый стропик парашютный.

* * *

Терять — как стареть, как стараться успеть
Запомнить, опомниться или заплакать.
На рёбрах душа повисает, как плеть,
Себя сторонясь, как недоброго знака.

От фраз откровенных уныло бегу —
Печальная речь уязвимей, чем совесть.
Молчание — кровь из обветренных губ —
По капле теряет свою невесомость.

Дыханьем неровным пускаюсь в напасть
Казаться восторженнее и счастливей...
Остаться собой — всё равно, что пропасть,
Что выйти под этот распахнутый ливень.

* * *

Белые дни
 городом грубо взрыты.
След от когтей
 улицами прошёл.
Люди плавуют
 улицами, как рыбы.
И плавниками
 камни трут в порошок.

Камни хранили вечность,
 держали город.
Вечность хранила нас,
 а теперь — беда.
Вот и бреди
 в мутной воде по горло.
Вот и глумись,
 каменная вода.

Рыбья тоска,
 рыбьего жира примесь,
Смыла огонь
 детских открытых лиц.
Вот бы спустить
 воду, как к жизни привязь,
Чтобы посмертно
 все обратились в птиц.

* * *

В оловянный испуганный холод,
Так сутулясь, как будто немолод,
Выйдешь после сомнений ночных.

Темнотою глаза заливая
И людское родство забывая,
Как легко оказаться в ничьих!

Пьян прохожий — примета что надо.
Знать, ещё далеко до распада,
Коль наитие бродит кругом.

Жизнь ещё говорит о рассвете,
Но твой взгляд не в пример одноцветен,
Точно сглажен её утюгом.

Человек мой, прекрасный, ранимый,
Проходящий по кромке и мимо
Буден, сплетен, пустой суеты! —

Видишь — медленно падает небо,
И над ним зарождается немо
Всё, что в шутку повыдумал ты...

* * *

Тане

Уезжая в столицу (я знаю — дела, дела...)
И свою никому ненужность в глазах итожа
(Родилась, полюбила, отчаялась, родила... —
Да, в таком порядке, иного и быть не может),

Ты всё ловишь ветра — а наивнее, чем они.
У тебя ещё на руках от пелёнок запах.
У тебя ещё по-сибирски бескрайни дни,
Но они сокращаются с каждым рывком на запад.

Здесь по улицам будто и вправду прошёл медведь,
И гранёный снег в червоточинах солнца — замок.
Уезжай, потому что будет о чём жалеть,
Потирая руки обветренные, в сетке ранок.

Здесь проулки роняют зубья с весенних крыш
И прокуренным небом к земле прижимают грубо.
Мне сказать бы, родная, что ты не о том грустишь, —
Только имя твоё уже забывают губы...

* * *

Терять, терять, терять,
И — полюбить утраты...
Исчёркана тетрадь
И дневники измяты.

И люди всё темней —
Фигурки из гранита.
И человек в окне,
Как в топке приоткрытой.

Просаливая ночь
Бессонницей горячей,
Он мой двойник точь-в-точь,
Он мне одной маячит

Во всей ночи земной,
На всей земле бессонной!
И он умрёт со мной,
Оставив свет оконный...

* * *

Вот и треснуло небо с холодной водой —
Хоть прожить, а хоть выжить осталось — изволь же
До последнего края с каймой золотой,
До прощаний, а может быть, дальше и больше...

Что за прихоть печальная дышит во всём,
От которой бежать наугад и на ощупь
Хоть водой дождевою и хоть в чернозём,
Чтоб вернуться травой сквозь мёрзлую толщу?

Дни торопят послушную гибель свою.
Проходя по траве, ты оступишься странно. —
Это я, это я, это я встаю.
Это жизнью земля кровоточит, как рана.

* * *

Мы, брошенные дети января,
Мы, стылые упрямые ладони,
В дороге от смолы до янтаря
Мы тем сильнее будем, чем бездомней.

Потеряны для нежной теплоты,
Казалось бы, мы так неуязвимы!
Но от проросшей в сердце мерзлоты
Мы сами превратились в эти зимы.

Подошвами проламывая наст,
Прохожие, о нас ли вы молчите?
Простите нас, и растопите нас,
И губы пересохшие смочите...

* * *

Что за блажь такая —
 ворваться в грудь
И спалить — отчаянье не остудит.
Прогори, коль хочешь, а кто-нибудь
По остаткам пепла тебя рассудит.

И осудит на сто
 веков подряд
Польхатъ и маяться где попало.
Неспроста так больно глаза горят,
Будто в них по острой звезде упало —

И открылось зреньё.
 А мне-то как?
Это не любовь, если воздух выжат.
Что за блажь такая — развеять мрак,
Если только в нём и возможно выжить?

* * *

Я плакала у ветра в рукаве.
До ливня, до колодезного эха.
А ветер мёл руками по траве
И смерть росла до краешка, до верха:

Переходя черту, где гаснет свет.
Я в мокром платье, сопли утираю,
Расту, роняю чашку, умираю,
Во дворике забыв велосипед...

Нам никогда не выйти из дождя,
Он льёт из нас — от всхлипа до рыданья.
Как затянулось детское гаданье,
Где жизнь и смерть сошлись полушутя!

Замри, замри, монетка, на лету
Над хлипкой решкой и орлом суконным,
Покуда мир темнеет, как икона,
И лица западают в темноту...

* * *

Может быть, здесь, в этой осенней улице,
Там, где дождями след мой исполосован,
Где от сырого ветра — бежать и жмуриться,
Я одинока так, что не сыщешь слова.

Дело не в том, с кем мне сегодня сживать
В кухне за чаем, за разговором вычурным.
Дело в том, кем я любима или же
Кем не любима (и — позабыть, и вычеркнуть).

Пусть это чувство — повод к любви и повести,
Равновеликость с собой — как прогулка по небу.
Жить — на ветру, с риском опустошённости,
И не болеть жадностью — чтобы поняли.

* * *

Это не боль, это лица мелькают — «здравствуй».
Люди войдут, останутся, как друзья.
Это не обморок, а поворот пространства
До темноты, где меня разглядеть нельзя.

Где лишь душа колышется в тихом теле
На берегу морей, немоты, небес,
Где одиноко — Господи, неужели?!
Где безразлично — с кем-нибудь или без.

В памяти будет всё как во сне колодца:
Гулко и тихо. Но почему, ответь,
Жилкой височной в сон мой упрямо бьётся
Ветер ли, голос, призрачный, будто смерть?

Помню, как ветер форточкой бьёт наотмашь
Тьму, и мерцает снег, и дымится шум.
Я существую только, пока ты помнишь,
Как я целую, как я во сне дышу.

* * *

Одно-единственное дерево
Недалеке на берегу.
Я ухожу за скобку берега,
Побереги. — Поберегу.

Как будто в ямке над ключицею,
В реке у берега темно.
И под водой, под болью чистою
Я не угадываю дно.

Древесный дух под норкой беличьей,
Повороти меня на свет,
Ведь то, что жить на свете незачем, —
Не окончательный ответ.

Зрачковый омут — ночь безмерная —
Черней, чем руки от земли.
Так глубоко течёт бессмертие,
Что не почуют на мели.

* * *

Этот автобус, сотканный сплошь из пыли,
Точно фантом, сон тридевятой мили,
В тёмной утробе баюкая, мчит, и странно
Чувствовать свет с той стороны экрана.

Всё, что ещё живёт и пока не мёртво,
В серую трассу вкатано, вбито, втёрто.
Сердце моё, я почти перестала слушать,
Как голубые капли уходят в сушу.

А по дороге фургоны несутся грузно,
Женщина слева спит тяжело и грустно,
И человеки здесь не живут, а точно
Вышли из тел куда-нибудь в междустрочье.

Видишь, дорога, мы на твоей растяжке,
Как на верёвке тихо звенят стекляшки.
Глянуть снаружи — чьи вы, куда вы, кто вас
Носит в себе по глобусу, как автобус?

Души висят над головой и выше.
В жёлтую степь кто-то безлюдно вышел,
Будто бы птица с ветки слетела — малость...
Кто нас покинул, сколько ещё осталось?

* * *

По холодной траве,
По зелёному долгому полю
Я пойду, обжигаясь
Дыханием в полную грудь,
Чтоб от счастья дрожать,
Будто зверь, отлучённый от воли,
И из каменных стен
Вырваться в неведомый путь.

Я не знаю, куда,
Да и в этом ли, в сущности, дело?
Я как будто впервые
Взгляну с удивленьем немым:
Вон за сумрачный лес
Чья-то тёмная тень полетела,
Вот плывут облака
За движением мерным моим.

И глаза подниму
Удивлённые — выше и выше,
А потом я пойму,
Что кругом — незнакомая степь...
Что я сбилась с пути,
И мне в сумраке этом не выжить.
И вернуться назад
Мне до ночи уже не успеть.

* * *

Я собираю приметы обычных вещей,
Чтобы увидеть хоть раз — и уверовать в них.
Капли дождя замирают на чёрном плаще
И превращаются медленно в рыб золотых.

Вот бы стоять бесконечно под тёплой водой,
Кожей лица обжигая изменчивый мир!
Взгляд ослеплённый блуждает, как луч золотой,
Вечную ночь протирая до солнечных дыр...

* * *

Где мы, счастливые ветром дождливым,
С холода чаем в случайных гостях?
Тени шепнут за столом, что ушли мы,
Тени закроют дом второпях.

Кто там? Не знаем. Свеча закоптила.
Нет никого на семь вёрст и веков.
Время сжимает ключи от замков.
Курит. Уходит в рассвет торопливо.

Где наши юные слёзы в глазах,
Прикосновения, бьющие током,
Глупые строчки, штрихи в небесах,
Встреч приговоры в бреду одиноком?

Где мы, счастливые вздохом навзрыд?
Дайте хоть в озеро, в зеркало глянуть!
Кто мы? — Улиткой сжимается память.
Видишь? — И панцирем след перекрыт...

* * *

За минуту до гулкой полуночи сделать глоток
Тьмы, промокшей под ливнями, тьмы, пропускающей ток,
Освежающей сны мои, как свежавыпавший снег,
И мне хочется насмерть остаться в каком-нибудь сне,

Где густа тишина, будто тёмный и вызревший мёд,
Лишь крыло стрекозы покачнётся — и ветром пахнёт,
И останется в воздухе след, и останется след,
И не нужно лететь, и не надо стремиться на свет.

* * *

Если в чай пролить молоко,
Будет облако в мир лететь.
Будет мама тихонько петь,
Мимо нот проходя легко.

Мимо нот — чёрных вишен горсть.
Мимо яви — слететь в пролёт.
Полуночный прескверный гость
Тёмной лестницей в сон идёт.

Чёрный, ах, человек, дурак,
Сон мой травящий на корню,
Я спою твою гибель так,
Что ни ноты не оброню!

Я светла, до того светла —
Сон мой — запах парной, точь-в-точь,
Молоком разольётся в ночь
И закапает со стола...

* * *

Человек в белом открыл голубую дверь.
— Вы к кому? — спросил. — К такому-то, — говорю.
— Нездоров, — отвечает, — не может принять теперь.
Заходите после, где-нибудь к ноябрю.

Не встаёт давно. Наверное, слишком стар.
Всё молчит, потому что слушает столько лет.
И стоит в округе гарь со времён татар,
И с тех пор ни к кому не является он на свет.

Но когда во снах вы приходите в нашу ночь,
По бессмертному саду идёте, как поздний дождь,
Как он тяжело дышит, и некому нам помочь
В темноте, в которой всё время кого-то ждёшь...

* * *

— Что же ты плачешь, как ветер сирый,
Тёплый младенец в моих руках?
— Мама, я знаю все тайны мира,
Всю его боль, суету и страх.

— Ты погоди, этим знаниям вечным
Скоро на смену придут слова,
И, овладев человеческой речью,
Ты позабудешь, что знал сперва.

— Мама, где радость в моей пустыне?
— После страданий и лет мирских
Радость в глаза твои, старец, хлынет
И навсегда остановит их.

* * *

Вот лестничный пролёт
Из детства в даль сырую,
И детский мел ведёт
По стеночке кривую —

Хоть имя мне оставь —
На этой стенке мелом!
Пусть только это — явь
В миру остекленелом,

Хочу, чтоб белый мел
На синем непременно
Недолгий век имел,
Ссыпаясь постепенно,

Стираясь толчеёй
Кочевников подъездных,
Сдираясь чешуёй,
Храня в чешуйках бездны.

Каракули, фигня —
Не выговорят губы,
Но назови меня,
И запиши меня,
Увековечив глупо

И косы, и пробор,
И голос, и про боль

Подтекст дыхания злого.
Уйти в слова — пускай!
Душа почти пуста —
Всё выдохнуто в слово.

* * *

Космы по ветру степному
Разметает, разовьёт.
Где была дорога к дому,
Там всё задом наперёд.

Там оглянешься — и нету
Ни тропинки, ни черта,
Только ночь по белу свету
Чёрным дымом пролита.

Здесь ты зрением не скован,
Чтоб наитием найти
Нить иного, колдовского,
Неизвестного пути.

Чем ты дальше — тем всё ближе
Брошенный тобою кров.
Здесь трава колени лижет
Лишь изодранные в кровь.

Тут зрачками облик светел,
Раной высохшего рта.
Здесь красу изложет ветер —
И проступит Красота,

Точно дно в полёте в пропасть —
Прилетит и пригвоздит,
Как внутри навзрыд боролось,
Так и вырвется навзрыд.

Выдержи меня, степная
Неприкаянная тьма!
Потому что я не знаю
И страшусь себя сама.

Потаённо, диковато
Тьма внутри скребётся в дверь.
Кто тут знает, какова ты?
Кем проявишься теперь?

* * *

Я никогда не вернусь
В хруст этих писем путаных:
Там наступить на ветку
(Пусть никого в лесу) —
Громче паденья сосен,
Снегом до неба укутанных...

Как же ты раньше
Выдохом
Держал меня на весу?

Снова предметы стали
Медленными и твёрдыми —
Стулья, стакан и воздух
С трещинкой до ядра.

Тёмная бредит ночь
Лицами полустёртыми,
И ни одно из них
Не выживет до утра.

* * *

Всё разбилось.
И остались мне — душа
Да осколки этих листьев угловатых.
Влажной осенью отчаянно дыша,
Я пытаюсь в ней увидеть виноватых.

Всё смешалось,
и, быть может, поделом:
Знать, у осени всему свои пределы.
Птица белая с надломленным крылом
Пролетела надо мною, пролетела.

А от осени — ни горького «прости»...
Только вздох её, похожий на простуду.
Увези меня, с ладони отпусти —
И ищи меня, ищи меня повсюду.

* * *

Как в замедленном кадре мы
Через пристальный сад
Бродим тропами карими.
...Или листья летят?

И по самое горлышко
Налита тишина
В этот флигель, опомнившийся
Ото сна.

Здесь ни боль моя русская,
Ни слова не нужны.
Здесь великая музыка
Спит внутри тишины.

К ней, как к тайному зареву,
Подойти горячо.
Ты возьми меня за руку —
Просто так, ни о чём.

Чтобы пульс одинаковый
Бился в небо, пока
Сыпают нотными знаками
Над землёй облака,
Сыплет пальми листьями
Летний день кочевой.

Ничего не бессмысленно.
Ничего.

* * *

Веронике Шелленберг

Вероника, левый загребной,
Раненая ведьма водяная,
Темноту собой перебивая,
В ночь с кудрей отряхивает зной,

По чужому городу идёт,
По своей ночи, заговорённой
Голосом с картавинкой, вкраплённой
Точно камешек в водоворот.

Раненная в горло, видно, речь
С талым льдом и горными камнями
Хлещет горлом, властвуя над нами —
Что нам от неё себя беречь?

Горше пой и смейся веселей!
На строке, на яростном веселе
Ты лицом к лицу перед судьбою.
Здесь ли сердце в реку обронить? —
В родину чужбину обратить
И остаться, Господи, с тобою...

* * *

По ту сторону зренья — такие снега,
Что я, падая в них, утопаю по пояс.
Здесь река уже льдом развела берега,
И я где-нибудь здесь затеряюсь и скроюсь.

По ту сторону снега — такое тепло,
Что не сыщешь в пуховой моей рукавице,
И почти уже в сон белизной занесло,
И под тяжестью снега смирились ресницы.

По ту сторону жизни —
 неведомо что.
Всё, что ты ни расскажешь, случится иначе.
Вот и свет — на лицо,
Вот и снег — на пальто,
Да и с той стороны кто-то счёт уже начал...

* * *

Уходя от себя, оглянись в беспокойную тьму.
Пережитками сердца повеет от старых тетрадей.
За пределом судьбы сто дорог перельются в одну.
За пределом меня всё закончится и — бога ради.

Через тонкую плоть прорастают сырые лучи.
Свет проходит по венам, как смех по пустым
 коридорам.
Только ветер ко мне торопливо и гулко стучит,
Отзываясь на каждую малость то вздохом, то вздором.

Может, тени ушедших и лепят вселенскую ночь.
И назад засмотреться — как падать в холодную воду.
Уходи без сомнения, как нелюбимая дочь,
Уносящая из дому искру небесного свода.

* * *

Зелёное окно, когда ты отворилось,
То все ветра вокруг узнали, что ты есть.
Всё то, что сердце жгло, ещё не сочинилось,
Но в паводке твоём мне проступает весть.

За пьяный запах трав, за звон стрекоз и капель
Здесь платы не берут, но забирают в плен.
Я — тоже часть тебя, я тоже твой создатель.
Я в омут твой гляжу и с неба, и с колен.

Я зов твой узнаю, он праздничен и светел,
Он как река, где я по берегу бегу.
И всё, что я уже нашла на этом свете, —
Горсть мокрого песка на этом берегу.

* * *

По усталости уличных плит
Март пройдёт тяжелей, чем эпоха.
Нас ли доза весеннего вздоха
От вселенской тоски исцелит?

Мы смеёмся, жуём шоколад,
Ждём трамваев, теряем перчатки,
Но сквозь лица видны отпечатки
Жёсткой воли откуда-то над...

Похвалиться ли высшим родством? —
Время стерпит и эти проказы,
Будто видит — за пылью проказы
Лик нездешним сквозит торжеством.

Будут платья темнее суган,
Чтобы прятать причастность к чему-то.
И река по-весеннему мутно
Разольётся по нашим следам.

Солнце вытопит мартовский лёд,
Лабиринтами неба плутая...
Как разрознит слова запятая,
Так и слово миры разведёт.

* * *

*...Меня всегда поражало, что мой муж
всю жизнь называет свою маму,
Марию Антоновну, — «матушка»*

Матушка, Маша, озёрный твой голос
В воздухе сизом звенит серебром,
Учит он: что бы во мне ни боролось —
Всем отвечай добром.

Так и живёшь, по-людски и по-доброму,
Свечечка божья, сверлящая мрак.
Длинные волосы в узел подобраны.
И у меня — так.

Сядем с тобою на кухне, уставленной
Тёплым, родным угощеньем твоим.
Машет ли детство далёкими ставнями, —
Матушка, посидим?

Сколько было жизни в судьбе переменчивой,
Ты была вечною, как земля.
Матушка, Машенька, русская женщина,
Родненькая моя...

...Время — домой, муж и сын собираются,
Саша и Миша с твоей буквой «ша».
Матушка машет рукой, и вздыхается
Вслед за рукой — душа...

* * *

А кроме любви ничего и нет.

Проснусь оттого, что ребёнок во сне повернулся
И пяточки мне положил на живот.
Живёт,
Как будто скользит по воде — я хочу дотянуться,
А всё не могу, безумия недостаёт.

Шумит
Вселенная всеми своими ветвями,
И падают яблоки ночью с ветвей.
Не сплю,
А слушаю воздух, летящий над нами,
И спящие реки подземных вен.

Пускай тишина
Стоячей водою удержит и взвесит
Полуночный пульс тугой.
Мне нужно запомнить тебя, как строчку отцовых песен,
Я завтра проснусь другой.

Я завтра уже не проснусь,
Я исчезну в полночь,
Когда покрадётся дождь по сухой земле.
А кроме любви и нет ничего, ты помнишь?

А утром останутся яблоки на столе.

* * *

Я несла в животе голос горькой звезды.
Сторожась от людей, чтоб не слышалось им,
На каком языке она крестит следы,
Проводя меня между болот и осин.

Я спала слишком долго — ни сна, ни тепла,
К небу — чистым лицом, вдох мой — рябь на воде.
И в неё заглядевшись, звезда потекла
По небесному жёлобу, злой борозде.

Помнишь? — думали землю на высь поменять,
Да на небе так зыбко: качнёшься, и — вон!
Вот упала звезда, и попала в меня,
И прожгла, и ушла в ледяной чернозём —

И остался мне голос, горчинка в ночи,
Чайный привкус, осколок, под ложечкой стих.
Я спрошу: что мне делать? А голос молчит.
Потому что ответов здесь нет никаких.

* * *

Если ты знаешь, что значит ждать,
Окна — нет, время сверля глазами...
Легче — не зная куда, бежать,
Скрипнув у пропасти тормозами.

Время, не мучься в моей груди,
Испепеляя меня прилюдно.
Мудрую душу в миру найди —
И у неё попроси приюта,

Я ведь не в силах уже сдержатъ
Колких секунд в руках-дорогах!
Время, — кто знает, как больно ждать, —
Прочерк в бессмертных твоих уроках.

* * *

Мне губы ветра твои студят,
мне чудится степь.
Богаты карманы не памятью —
пылью дорожной.
Как в обморок белый,
назад посмотреть осторожно,
И выйти из времени,
и отпустить его цепь.
В студёной реке не успеешь наплаваться всласть.
И в скалах резных
не останешься жизнью оседлой.
И будешь как небо пустой —
и поэтому светлый.
И мир твой — как дом,
из которого нечего красть.
Лишь прах и упрячешь
под тяжестью каменных плит.
Хранить — хоронить.
Что жалеть на ветру бестолковом?
Я тоже умру.
Ухнет ветер: и что здесь такого?
И лодка пустая
к иным берегам полетит.

* * *

...А в летнем городе пустом
Берёт безвременье измором.
Вокзал, каким ты жадным ртом
В себя затягиваешь город!

Какой поток в тебя несёт!
Какой потоп в твоих владеньях!
Как будто за тобою — всё,
Особенно — освобожденье.

И рельсы в обе стороны,
И глазу брошена палитра
Людей с приметами страны
И с чувствами космополитов,

Что счастье есть, и путь простёрт —
Куда глаза глядят мятежно:
Так первобытно, как в костёр,
Так жадно,
что — езжай, конечно...

* * *

Осень — время чего-то свыше.
Напоследок перед зимой
Вдруг опомнится и задышит
Жизнь в танцовщице заводной,

И повеет рассветом влажным,
И Новым днём из-за старых штор,
И покажется это важным —
И Как невиданным до сих пор...

Как стекло, остужает утро —
Страшно сделать один глоток.
Как в него я войду, будто
В чистый лёд золотой конёк!

Сколько вспыхнет во мне случайных
Дерзких помыслов! И затем
Осень — время для встреч тайных
С расставаньями насовсем.

Время — вчувствоваться до дрожи
В мир из уличных голосов:
Может, кто-нибудь из прохожих —
Из твоих сокровенных снов,

Может, время чему-то сбыться
До того, как исчезнет всё,
И взлетят, и замолкнут птицы,
И зима меня занесёт...

* * *

Разгляжу через небо, развешанное кое-как,
Что душа твоя едет домой, как пустой товарняк.
Дребезжит напоследок по плохоньким рельсам во тьме,
И две ржавые нотки стучат напоследок во мне.

Не хочу повторяться любовью, печалью, тоской —
Но повтора им нет. Свищет во поле гул городской.
И всё уже зрачок тишины над моей головой...
Не стучите, колёса! Попробуй, останься живой.

Дышат сумерки чудом, а с неба пути ему нет.
Только скобочкой тонкой над крышами вырезан свет —
То ли дверца во тьму, то ли месяц висит на трубе...
Жизнь тебя разлюбила, поскольку привыкла к тебе.

Сделай полный глоток неизвестности. —
Страшно? — Слегка,
Будто вечность к лицу прислонилась и пьёт из виска.
И уже где твоё, а где богово — не разобрать:
Белый свет откровений и чёрные строчки в тетрадь...

* * *

Полжизни на ладони улеглось —
И в память опадает гам вороной.
И, в темноту подмешивая злость,
Я вглядываюсь в свет потусторонний:

Откуда он сочится, кто ушёл
И двери за собой неплотно запер,
Рассыпав в небо белый порошок,
Как будто соль нечаянно на скатерть?

Повремени, последняя строка,
Дыханьем в неразбуженной лавине:
Я вытяну судьбу из узелка,
Я не оставляю так, на половине!

Но жжёт меня, до горечи во рту,
Слабинка, червоточинка распада:
Как над землёю холодно к утру!
Как будто две строки до снегопада.

* * *

Ты уезжаешь — туда или отсюда?
Что за порогом, Господи, не рассмотришь.
Что за порогом, Господи, если не чудо?
Если не смерть...

Выход — как выстрел: так, наугад, без прицела.
Жить — уходить, а возвращаться — стареть.
Это неправда, что есть у терпенья пределы.
Если не смерть...

Дай мне ошибок — так, будто времени много.
Пот по щекам, дерзость и страх допьяна..
Сколько бы сделать, а не стоять у порога,
Если не знать, как неотступна она...

* * *

Спасибо тебе за всё.
Что имя твоё несу,
Как тополь в листве несёт
Невысохшую росу,

Что свет из окна вошёл
И у изголовья встал,
И таял под светом пол
Всё время, пока ты спал.

Над белым твоим лицом
Три полночи, две слезы,
Мой четырёхлетний сон,
Мой русоволосый сын.

* * *

К воде подойди, пересохшие губы
Водою смочи, и остынь, и оставь
Попытки побега — неважно откуда,
Но лишь бы бежать и от бега устать.

И эта вода, может статься, отравя,
У каждой воды — своё гиблое дно.
И эта река, может быть, переправа
В недалёкое, дальше царство одно.

И путь твой неверен, и путь твой упреchen,
И нет на земле никакого пути,
Пока ты живёшь ощущеньем предтечи,
А мог бы и сам по теченью брести...

Младенческим сном, а не бурей кровавой,
Не бегом, а слухом — ты близишь ответ:
Что до переправы
И за переправой

ни жизни,

ни смерти,

ни разницы нет...

* * *

Сердце, сердце — как земля в огне.
Стой на ней, хоть будет город выжжен.
Сколько знаков ты являешь мне,
Господи! Да через дым не вижу.

Едок дым, и слёзы солонны.
И за ними — огненная сила
В тёмные проваливает сны
Всё, что наяву невыносимо.

И глазами выжженными — зри,
Чувствуй обгоревшими ступнями
Город, вырастающий внутри,
С улицами, реками, домами...

— Не входи, родная, в этот дом.
Он ещё до срока заколочен.
Ты его не путай с домом отчим,
Упоённым детством и теплом...

Не входи, родная, обрети
Что-нибудь большое для потери —
Здесь хозяин платы ждёт, и двери
Отпирает в полночь без пяти...

* * *

В беззвёздном, заколоченном дому
Тоскою награждают по уму
Всех приходящих в этот мир скрипучий
За каплей смысла, за водой живой —
По тропке — нет, по кромке ножевой,
Сквозь сон неровный, просекой колючей...

В уставшем насмерть, в стонущем дому
К полыни ли, к погибели, ко сну
Всё клонится... Качают половицы
Гнилую кадку с горькою водой:
Едва пригубишь — и уйдёшь седой
Ко всем чертям, боясь остановиться...

Ты был хранитель света, старый дом,
Приют безумных в небе ледяном,
Единый берег в море многоликом.
Тебе и самому уже не мил,
Кто сотворил тебя и позабыл,
Кого ты на ветрах горючих кликал:

— Хозяин, нашим думам вопреки,
Здесь живы только сны и пауки,
Здесь дух сродни отравленному зелью!
Разрушь меня, я стар и нездоров,
Твой вечный дом, твой перекрёст миров,
С окном на рай, с калиточкой на землю...

* * *

Когда в миру благословенном
Нам стало страшно без границ,
Мы водрузили миру стены,
Чтоб тьма не знала наших лиц,

Чтоб их ветра не обжигали,
И не влекло пространство нас,
И наши лица увядали,
И вяла зоркость наших глаз.

И мы сочли, что всё узнали,
Да знание покрылось сном:
Так правят миром в тронном зале,
Так верят в храме расписном. —

Тогда, неузнанные тьмою,
Во тьме сырой — пропали мы...
Безумец, что там за стеною,
Помимо тьмы, безликой тьмы?

— Там тьма, и свет, и ветер свежий...
Полёт — лишь дай душе взмахнуть...
— А путь туда кратчайший — где же?
— Безумие — кратчайший путь...

* * *

Ирине Кирилловой

Никак не могу ощутить эту острую кромку!
И стоя у гроба, у синей каёмочки губ, —
Что выпал кусок из мозаики, краткое «кроме»,
Оставив отсутствие, прочерк, провал на снегу...

Ты — в том же потоке, где день уходящий и судный.
Ты миру причастна, как телу причастно ребро.
Ты только зашла за стекло и стоишь, недоступна
Для наших ветров,
для стремительных наших
ветров...

* * *

Иногда мне хочется писать письма умершим людям.
Потому что поздно, потому что больно, потому что пора.
В промежутке между землёй холодной и небом лютым.
Между хрипом в груди и бессонницей до утра.

В электронной почте ещё есть адрес, нажать «ответить»...
Может быть, провода до сих пор ведут, как тогда вели,
В города любые, где имя то ещё носит ветер,
Обрывая с губ, вымаливая у земли.

Подожди-ка, вспомни — метель и шум в деревянном доме,
Красный свитер, трубка и смех в курительном закутке.
До свиданья, некогда, и в мороз уйти — как в рассудок вдовый,
И бежать, бежать, и запутаться вдалеке...

Рукавами лиц ловить троллейбусную улитку.
Обернуться к свету, к лицу твоему, обернуться к лику.
Я ещё не готова сойти с ума в невесомый свет.
Не смотри в глаза, не давай руки, не пиши в ответ.

* * *

Яблоко, подобранное в усадьбе Рахманинова,
С розовой кожей, оставшейся от зари,
Словно с передника накрахмаленного,
Из прошлого века — бери.

После земли, шаги его помнящей,
Дремлющий плод рукавом потри,
Чтоб заблестел, словно жук беспомощный
В тёплой руке — смотри!

И через воздух, набрякший музыкой,
Будто бы летней грозой густой,
Я как во сне по карнизу узкому
Ринусь на голос твой.

Будто бы верю, что ты подаришь мне
Вечность в обмен на смерть.
И, разрываясь, летит над клавишами
Вечный Второй концерт.

И в самолете ночном над Родиной,
На небесах оставая след,
Яблоко спит, а тихонько тронь его —
Кажется, гений придёт на свет.

* * *

Этот ветер — то ли след помела,
То ли бабочка крылом повела?
То ли в памяти сквозь темень вошло
То, что ветра поднимает крыло?

Ты не думай ни о чём, ты смоги!
Мысли — ветра нагоняют круги,
Рвут рисунки городов и границ,
Сыплют градом из подраненных птиц.

Не смотри ни на одну — иль войдёшь
В это тело, раны, стоны и дрожь!
А потом её зрочки замолчат
Там, где градины по крышам стучат...

* * *

Вот бог, а вот бессонница до края
Его непостижимых облаков.
Благодарю, в бреду её сторяя,
За неизбежность рваться из оков,

Стоять на воле, на свету простудном,
Где сердце ветром выдуло насквозь!
Как трудно одному на свете людном
Поверить в одиночество всерьёз,

Поверить и принять его, такое,
Где всё родство закончилось вчера,
Где через грудь, пробитую рекою,
Текут миры, и жизни, и ветра...

* * *

Шёпотом, шорохом, еле дыша,
Флейта, звучанье вполсилы..
Чтобы глаза приоткрыла душа,
Дрогнула, но не спалила.

Скрой, мой хороший, свои имена
И назначенье земное —
Пусть остаётся навек пелена
Между тобою и мною.

Пусть нам полветра до рук и волос
И полдуши до начала.
Ах, как не вовремя каждый вопрос!
Как неизвестности мало!

Веточка, ветра ресница, в руке,
Ты напиши нам разлуку
Смело, как пишется в черновике,
Строчкой коверкая руку...

* * *

Лица в сумерках чуть различимы.
Суетою последней звеня,
Гонит город людей и машины.
Он засыпан снегами большими,
Как остатками белого дня.

Жизнь, которой не нужно причины,
Ты не требуй причин от меня.
Я давно умерла, но воскресла,
С плеч не снег отрясая, а прах,

Я иду, молода, как невеста, —
В синеве и печали окрестной,
Там, где город тщетою пропах, —
Так неправильно и неуместно,
Как весна в белокрылых цветах.

Сколько мне ещё глупых смертей,
Как газетных дурных новостей?
Сколь ещё возвращений назад
То ли вовремя, то ль невпопад? —

Жизнь молчит и вопросов не слышит,
Лёгким флюгером где-то на крыше
Чуть поскрипывая озорно.
А куда её ветер колышет,
Ей неведомо и всё равно...

* * *

В час, разбуженный голосом утренним,
В небе, свитом из перьев и строк,
Мандельштамовы нити распутывать
И мотать в перезрелый клубок...

Дымной шерстью и листьями пряными
Пахнет в августовском закутке,
И плывут снеговыми полянами
Облака по высокой реке.

Никуда торопиться не велено,
Как на дне у белёсой пурги,
Где парная перина постелена
Да скребутся в печи угольки.

Я хочу это выпить до доньшка,
Запрокинув за каплей лицо,
Чтобы ты потом спрашивал: помнишь, как
Жизнь прошла, как платок сквозь кольцо?

* * *

Я хотела бы встать за твоим плечом
В тридесятом городе,
синем, волчьем.
Где от лампы настольной тепло течёт
И в твоих руках засыпает молча.

Я боялась бы выдохом ночь качнуть —
Вот она, в гортани, с моей судьбою.
Задержи мой голос в себе чуть-чуть —
И душа в душе отзовется болью.

Я успею ещё умереть в глуши,
В километры русские впутав косы,
Там, где ждут своих поездов откосы,
Осыпая камни на дно души...

* * *

Трава безлика, откуда взять любви,
Чтобы к тебе склониться изумлённо?
Но в сердце тьма, но в сердце ни ростка,
Ни семени, ни борозды...

Останови меня, останови,
Когда я мимо прохожу бездомно,
Пробей мне ступни, как снега река,
До края неба, до звезды...

Но тихо, будто под землёй живьём...

И что я есть в молчании твоём?

* * *

Только запах один — мокрой глины и талого льда.
Только запах один — только дым, суета, ерунда,
Но как больно, послушай, как хочется плакать и пить
Этот дым, эту боль, эту жизнь, этот яд, может быть...

Растекается жизнь по лугам, по лугам заливным.
И захочется так беспричинно шататься по ним...
Но к польнному рву мимо них на телеге хромой
Повезут, а на взгляд мой устало ответят: — Домой.

— Как домой, если дом мой не в этой, в иной стороне?
— Что ты знаешь об этом, — ответят смиряюще мне.
— Что ты знаешь об этом, впусую проспав столько лет,
Когда запахи, будто цветы, пробивались на свет?

Когда почки ломило весною, а небо грозой,
Ты без слёз проходила под небом и голубизной.
— Но теперь я жива, что ж так поздно с возмездием вы?
— А зачем же нам мёртвые,
если мы сами мертвы?

* * *

Пронесутся птицы над водой,
Неподвижной, как во тьме колодца.
И в туманном воздухе сыром
Их немые крылья зазвучат.
Небо голубиное моё
В воды полинявшие прольётся
И погасит солнца уголёк,
И к земным притронется плечам.

Здесь, в успокоении земном,
В морозящем воздухе высоком
Речью человеческой моей
Не спугнуть божественную тишь.
Ты, моя нездешняя любовь,
Вырвешься из сердца одиноко —
И к поникшей ветке над водой
Жертвенно и немо полетишь.

* * *

На пыльном балкончике, свесившись над пустотой,
Раскачивать дым над сырой тротуарной чертой...
И хочется неба, да веры чуть-чуть не дано.
Ты помнишься мне, а другие забылись давно.

Спешу мимо луж — этих бедных осенних витрин,
И город звенит, будто в поезде чайный стакан.
Я тысячу лет не звоню. Мы и так говорим,
Как долгие реки, впадающие в океан.

Перила трамвайные, выдох сердечных простуд,
Пакетики чая, полночные книги в дыму.
Как странно на свете, скажи? Наши дети растут.
Откуда взялись — до сих пор до конца не пойму.

* * *

Прочищая русло у ручья,
Выбирая камушки и траву,
Волосы, упавшие с плеча,
Веточки в излучинах корявых,

Пробую на ощупь мерзлоту
Мартовской воды и переправу
От себя за водную черту,
В листья прошлогодние и травы.

Времени беспомощный комок
Раненого русла поперёк,
Взять тебя со дна и унести
Погремушкой, камушком в горсти!

Я ещё не знаю, что живу —
Глажу прошлогоднюю траву.
И читает тихая ладонь,
Что душа — вода, а не огонь.

* * *

Это ливень за окнами — первая весточка: плыть.
Это ставни стучат. Или сердце моё, может быть.
И я рядом с тобою — судьбою уже вдалеке.
И я бережнее прикасаюсь губами к щеке.

А когда отплывать — мне заранее не говорят,
И я сердцем готова к пути каждый ливень подряд.
Каждый ливень подряд... Ах, которым же — вдребезги жизнь?
И стучат мне в окно,

«Торопись, — говорят, — торопись...»

* * *

За то, что дым глаза слепил
От юности пустой
И свет каких-то высших сил
Маячил за чертой,

Пока ровесники мои
Сводили дрожь с лица
И якорили корабли
У первого крыльца,

За то, что тверди нет и нет
Ни близко, ни вдали,
Что на ночь оставляю свет
Как посох на мели,

Что так бессмысленно горю
До соли, дочерна,
Благодарю, благодарю,
Не зная — на черта,

За бытие как долгий суд —
Не мучай, отрави,
За этот яростный абсурд
Из веры и любви.

Встаю средь ночи в пустоту,
Набухшую от сна, —
А листья смотрят из окна
И падают с ветвей.

* * *

Алое зёрнышко,
След восьмигранной звезды,
Как уцелеть от космической той мерзлоты
В детском испуге далёком?
Будто со снимка застывшего, из-под стекла, —
Чувствуешь? — как потаённо слеза потекла,
Будто бы ниточка с богом.

Алое зёрнышко, бродит гранатовый сок!
Линия жизни — скольжение наискосок
Вниз, до развилки упругой. —
Зло и добро, день и ночь, два крыла, две руки,
Два тонких берега невозмутимой реки
Только и живы разлукой...

Чья в тебе сила? — И бога, и дьявола след.
Сердце в начале строки, а на выходе — свет,
Чтоб далеко засмотреться...
Даже когда целый мир ослепляет глаза,
Ты будешь найдено, если тропинка — слеза,
Алое зёрнышко,
Сердце...

* * *

Так хочется, чтоб пауза звучала
И бредила, но смертью не была,
Чтоб жило в ней желание начала —
Острее, чем патефонная игла.

Когда я вдруг замру на перепутье,
Откуда веры и дыханья взять —
И паузу с концом не перепутать,
И вздох на бездыханность не сменять?

Вздох между нот — предшествование полёта,
Набухшей почки затаённый пульс...
А выйдут сроки — и нахлынут ноты,
Горячие, солёные на вкус...

* * *

Ты знаешь, как небытие приходит
Из глубины молчащего нутра?
И ты стоишь на том же месте вроде,
Где жизнь была свободна и пестра.

Но распускает камешек кругами
Сомнение по дремлющей воде.
Ах, чьими, боль, ты сделана руками? —
Не скажешь по сердечной борозде.

Откуда тьма случается на свете?
Кто здесь творец всевышних перемен,
Что плачем мы, как брошенные дети,
Когда ещё не брошены никем...

* * *

Я хочу позабыть своё знание.
Лучше плакать потом, чем заранее
Соль держать в осторожной горсти.
Жизнь, прощаю тебе ускользание,
Ты же мне торопливость прости.

...Мы тогда не играли, мы знали:
Жизнь прожить — будто час на вокзале
Простоять средь прощаний и встреч:
Кем бы мы друг для друга ни стали,
Ничего невозможно сбегать.

Плещет ветер в лицо одичалый,
Неизвестностью дышит начало
И попахивает воровской.
Как опасно стоять на пороге,
Если в помыслах дерзки, как боги,
Коль свободный ты и одинокий
Просто лишь потому, что живой!

* * *

Вот —
ты свободен, ты выброшен миру, и что же? —
Нервное сердце, дыхание, тонкая кожа
Столь, что травинка пронзает тебя глубоко.
И немота к наполнению, к прибою готова,
И прибывает, и зреет в молчании слово,
Как у роженицы спящей во сне молоко.

Остановите движенье, мелькание, лица.
Дайте мне вызреть, мне до смерти хочется сбиться,
Землетрясением, лавой прожечь синеву!
Может быть, нужно полвека лежать под землёю,
Чтобы заплакать, тугой прорастая травой,
Чтобы почувствовать — как оно там, наяву...

* * *

Как хорошо, когда
Выше домов деревья,
Пахнет сирень в руках
Сладким тягучим сном.
Будет столь долог свет,
Сколько смогу смотреть я,
Будет столь долог день,
Сколько ты будешь в нём.

Крыши больничных стен
Сумрачны и покаты,
Птичий очерчен гвалт
Контурами двора.
Вот и пора тебе
Между домов куда-то
С долгой тоской в глазах,
С брошенным вскользь «Пора...»

* * *

Качнётся воздух —
зыбок, многозначен...
И сразу мир становится прозрачен,
Доверчиво впускает вглубь вещей —
Такой же мой, как божий и ничей.

Загадкою внезапной непонятен,
Он как рисунок из штрихов и пятен:
Скользнёшь — полёт, присмотришься — мура.
И тайна в мире теплится и дремлет,
А ты ведом каким-то знаньем древним,
Что только радость истинно мудра.

Мне мир — набросок, бестолковый случай.
Прозрачна счастьем улицы плакучей,
Я потому незыблемо права,
Что я плыву с деревьями, домами
По небу — словно лодка с кораблями,
И облака стоят, как острова.

* * *

Красным светом как зреньем вещим
На исходе заляётся ночь.
Кто нездешний мне был обещан,
Чтобы рваться отсюда прочь?

Здесь то белым, то чёрным пишут
И о выборе держат речь.
Здесь то жить — говорят — потише,
То от смерти хотят сберечь.

Но не где-то, а всюду — правда,
Лишь бы сердцу открытым быть.
И искать на меня управу —
Только заживо хоронить.

То ли ветер, то ль божий шёпот
Всё ясней твердит, всё ясней:
Дерзость — думать, как будто что-то
В этой жизни известно мне.

Только станешь — и скажешь: «Полно!»,
Только поискам дашь отбой,
Как взлетят под тобою волны,
И — о камни, и — чёрт с тобой.

Ну каким я огнём согрета,
Чтобы так торопливо жить?
Боже, если ты сделал это,
Остужать меня не спеши,

Дай мне рваться к пределам разным,
В небо огненное крича!
...Осень, что же ты вышла в красном,
Как прозрение, горяча?..

* * *

На бельевой верёвке за окном
Спят капли, пропустившие минуту,
Когда зима прошла сквозь этот дом,
А нас не разбудила почему-то.

И в этом сне мы долго не умрём,
Пусть мы не знаем (мы и так не знали),
Что происходит в воздухе сыром,
Пугливым, как забытый звук в рояле.

Пусть паучок снуёт у потолка,
Мы часть его пейзажа — ну и что же?
И выпускает спящая рука
Ключи от городка, куда мы вхожи.

И падают они сквозь ветхий пол,
И город исчезает постепенно.
И всё, что в нём томилось до сих пор,
Осело и растаяло, как пена.

И только снег очнулся и пошёл,
Сугробами пустыми громяя.
Прости меня, что нам нехорошо.
Что жизнь длинна, как музыка плохая.

* * *

Вот ладони. И тополя ствол.
И скрещение их, и свеченье...
Я пришла укрепить их родство.
Я поверила в это зачем-то.

У коры в полутьме моих рук,
У древесной тоски да прохлады —
Точка мира, в которую вдруг
Я пришла по следам снегопада,

Чтоб войти в мир полётов твоих,
Где в крыла обратятся корни,
Где мелькнёт откровения вихрь —
И не будет ему повторенья.

Я узнала в тебе божество
По негромким, но верным приметам.
Укрепи в моём сердце родство
Между этим и тамошним светом!

* * *

Ещё восемь месяцев жизни —
 а дальше тупик.
А дальше, а дальше — проститься
 заранее надо...
А дальше — скала,
 да косая стена водопада,
И в рёв его, будто бы в хор, принимают мой крик...

Мы вечно под небом высокою песней звучим,
Здесь нам всё равно — кто кем был до большого слиянья,
Мы знали хорошую смерть, потому что в сиянье
Сплела она разноголосые наши лучи.

И больше мне душу не точит боязнь пустоты,
И больше не мучает таинство предназначенья.
Я знаю такое звучанье, такое теченье,
Что к ним прикоснуться — небесные корни пустить.

Мне это приснилось на краешке сна, на рассвете,
Так больно вонзилось, что голос весь вышел на стон...
Ещё восемь месяцев... — Мама, а что же за этим?
— То сон на рассвете,
 то сон, моя милая,
 сон...

* * *

Сквозь мутный свет ресниц полуоткрытых
Привидится полузнакомый дом,
И дремлет штора, лёгкая, как выдох,
И мама молодая за столом.

И край её давнишнего подола
Синее ночи, счастья тяжелей.
Ещё поспи, ещё останься дома,
Не уходи, останься, пожалей.

Скрипит калитка мира под ветрами,
И тянется репей к облезлой раме —
Царапнуть и сродниться невзначай.
Мой сон тобой пронизан и изранен.
Как тяжело мне дышится утрами,
Покуда не расплёскана печаль!

Мы шли с тобой, куда — уже не важно,
Я — за руку, крылом твоим протяжным.
Продли моё видение, продли!
Как детства в кулачке осталось мало...
И сын меня расталкивает: мама, —
И тянет из просоночной пыли.

* * *

Пить неизвестности туман
На заострённом повороте...
Так птица в дальнем перелёте
Летит за чёрный океан.

Он хриплым кашлем небо рвёт
И рёбра волнами колышет.
И как над ним убого вышит
Крестовый птичий перелёт...

Когда б нам думать в эту высь,
Как тяжки дни и тщетны цели, —
Мы никогда б не долетели.
Мы от земли б не поднялись...

Пусть будет вдаль отпущен взгляд
Над горизонтом изумлённым —
Живи, душа, дождём зелёным,
Летающим с неба наугад...

* * *

Душа моя, корочка хлеба на бедном столе,
Черствеет, тускнеет, как уголь остывший в золе.
Пока в глубине ещё совесть острее, чем злость,
Как тронуть тебя, чтобы скрытое отозвалось?

К шершавому воздуху больно прижаться щекой.
Не всё удалось, видно, Господу — видишь, какой
Чудак человек — как набросок, эскиз на бегу.
Я мучаю кисть, а себя дописать не могу.

Я в детские лица смотрю, как в лесные ручьи, —
Оставь их прозрачными, смилуйся, не омрачи!
Но видишь, вползает в глаза равнодушная мгла:
Взгляни на меня — ведь я тоже, я тоже была...

* * *

Какая печаль обещана,
Седая, как птица вещая?
На высохшем небе трещина —
Пустынном без божьих слёз.
И сущее солнцем выслано —
Неискренно, но неистово,
Всё светло, но вряд ли истинно,
Хоть кажется, что всерьёз.

Но чувства сквозь веток прозелень
Нежны, как вода на озере,
Верны, как в колоде козыри,
Поскольку всегда верны.
Но жить и не стать бесцветными —
Что скалам быть незаметными,
Что выйти с глазами светлыми
И детскими из войны...

И чтобы ты мне запомнилась
Сквозь жаркого солнца холодность,
Приди и пролейся, молодость,
Беспечностью дождевой,
Дневную тоску взрывающей,
Движеньем — к душе взывающим,
Стремленьем — пока жива ещё,
Остаться ещё живой.

* * *

Выдохни. Вдох — обновленье и боль.
Через виски этот бой часовой,
Дескать — придёт ещё время
Лодку от берега прочь оттолкнуть.
Вслед засмотреться и слёзы сглотнуть.
След на две стороны: память и путь —
Не угадать, что острее.

Счастье — метаться по травам степным,
Лёгким, как ветер, и в дым молодым,
Сердце — пустые ворота. —
Так, когда нечего вовсе терять,
Жизнь налегке — хоть разбей, хоть истрать,
Если не жив для кого-то...

Вымолви истину, чтобы забыть.
Нитку мне дай и порви эту нить —
Пусть я не знаю ответа!
Кто я и что я, откуда мне знать?
В луже бездонна небесная гладь.
Смерть ли за левым плечом —
или мать
Оберегает от ветра?

* * *

Гори, гори! Какая тут зима
Тебя задует и сравниет с белым,
Когда не горем — счастьем неумелым
Тебя судьба выводит из ума.

Гори, гори — как солнце в январе!
Пробиться нет ни сил, ни сумасбродства.
Но вопреки — хоть с чем-нибудь бороться!
Быть игроком — не картою! — в игре.

И всё разбить, разбиться — поделом:
Жизнь исключает помыслы о судьбах.
Умрёшь — забудут, выживешь — осудят.
И — клином свет, и — ветер помелом.

Гори, гори... Взволнованно дыша,
Ты будто понял и отверг святое.
И — в эту жизнь, и — в месиво цветное:
Жизнь началась.
И кончилась душа.

* * *

Я вижу
камень и огонь,
Костёр и горы, жизнь и вечность.
Тот, кто меня от смерти лечит,
А жив ли сам?
А есть ли он?

Что камнем искру высекать —
Что жажду в сердце будоражить,
Чтоб мне, подраненной однажды,
Потом всегда его искать.

И каплет кровь, и я живу.
А ты — живёшь ли?
Ты — летишь ли?
Ты на земле — то свой, то лишний,
То вымысел, то наяву.

И я, почти окаменев,
Живой прикидываться рада,
И я — то вымысел, то правда,
То радость, то — излом и нерв.

И, грань незримую держа,
Я вижу, мир уже надтреснут,
Но огонёк в ночи окрестной
Ещё пока его душа...

* * *

Серая птица выглянула из полночи,
Выбрав тебя, будто бы свой ночлег.
И по ступенькам, еле держась за поручни,
Ты выбегаешь в обетованный снег.

Нет! Не теперь! Прочь, провожатый пристальный!
Пусть я взывал в мир твой немало лет,
Мне хорошо ведать и видеть издали,
Приступы страха списывая на бред...

Вот я стою, в снег утонув подошвами. —
Это ль не явь в поле моих страстей?
Тропами дум, тёмной травой поросшими,
Тех ли я в дом кликал себе гостей?

Вот — на плече птицы ночной касание.
Тёплый комок нервной рукой прочти...
Правда ль жива? — Значит, не наказание.
Значит, спасенье. Даже любовь почти...

* * *

Женщина... — тёмно-бордовые шторы в окне
Дома напротив, где тени — не просто тени:
Водоросли, качающиеся на дне
Самого-самого, где тишина и темень...

Чёрные ветки перед окном дробят
Всё на осколки, кажутся паутиной.
Да и окно помещает тебя в квадрат,
Но ты безграничной останешься и единой.

Ты есть во всём живом, ты — сама вода,
Всё породняя тёмной стихией этой.
Все тебя видят. Никто тебя не видал.
Все только верят, что ты существуешь где-то.

Не высота — глубина, попадись и сгинь.
Сердце стучит, как тайна по этим стёклам.
То, что мне выпало в этом отрезке «инь»,
Делает счастье тёмным, ручным и тёплым.

* * *

Как бьётся ночь в простенок лба,
А выше — небо, ниже — зреньё.
Свобода — бабочка, беда,
Как горячо в твоём горенье...

Какое тонкое крыло
Держало небо над землёю!
Как больно в голову взбрело
Очнуться, ссыпаться золою...

И счастлив день, как поздний сад,
Где пахнет палою листвою:
Не поворачивай назад,
Я этой глупости не стою.

Легко из жизни ускользать,
Не умирая — замирая!
Свобода — луковка, слеза,
Душа, сорвавшаяся с края...

* * *

Отлучат ли меня от моих тайн?
Оторвут ли меня от моих пут?
Колокольного ветра поток, влетай,
Здесь тебя голоса тишины ждут...

Растревоженный жар кочевых пустынь,
Растревоженный лёд поднебесных круч,
Между вами пределы мои пусты —
Между вами к самой пустоте ключ.

Вы нагрнете за полночь, в ведьмин час,
Заколдованный круг зазвенит кольцом —
И сорвёт покрывало с моих глаз,
И к самой пустоте повернёт лицом:

— Вот пришло твоё время, твой званный пир.
С этой точки расходятся свет и мгла.
Хочешь — выйди назад в сотворённый мир.
Хочешь — выйди с другой стороны стекла...

* * *

От сонного детства останутся детские сны,
Сквозь пальцы вода — чей-то окрик, и вздох,
и «прощайте!».
Мы вышли куда-то и думали, что спасены,
Как птицы из гнёзда в направленье, которое — счастье,

Чтоб замысел божий почувствовать в чьей-то душе,
Что камень найти, о который не жалко разбиться.
Прощай, моя радость, поскольку ещё и уже
Любовь — слишком гордая вещь для того,
чтобы сбыться,

Всего-то — частица какой-нибудь фразы витой. —
Чем громче слова, тем верней — о каком-нибудь вздоре.
А выгляни — город заполнен весенней водой
По самое горло, по самое синее море.

* * *

Протяжное сплетение корней,
Ветвей, и проводов, и рек, и бродов..
Я в бронхи мира вплетена, верней —
Я воздух в их подземных переходах.

Ещё не жизнь, а только кровотоков.
Ещё не плод, но музыка над садом.
Услышь, как распускается листок,
Заранее пронизан листопадом!

Скрипичным вздохом, выпавшим из рук,
Замри в огромном небе и не сетуй:
Вот-вот смычок в тебя проденет звук
И понесёт на ниточке по свету.

Какая глубина
горячий лоб изранит,
Когда откроешь дверь
и по свету пойдёшь,
По свету, по земле,
в рассвет сырой и ранний,
Где лик умоет дождь,
переходящий в дрожь...

Откуда ты такой,
с деревьями не схожий,
Нелепый со своей
не жизнью — а игрой?
Но вверх идёт огонь
под человеческой кожей,
Как у берёзы сок под белою корой.

Когда откроешь дверь,
то выход твой, ненужный
Как выстрел — никому,
лишь всполошит ворон,
Но паводок сорвёт,
как поводок послушный,
И потечёт судьба
к тебе со всех сторон.

Средь чёрных птиц, среди земли того же цвета,
Где ночь всю идёт,
и тьма, и света,
Ждут вечно от тебя
во тьме огня и света,
Чтоб выровнять цвета,
чтоб выровнять цвета...

Содержание

<i>Н. Ягодинцева. Листая ветер</i>	5
«Тревога, патока подкожная...»	13
«Дай сбыться всему, что нависло...»	14
«Если загадывать — то ливень густой в окно...»	15
«Медленные ночи расставаний...»	16
«Господи, сколько назначено...»	17
«Где россыпью дома...»	18
«Я просыпаюсь. Я схожу с ума...»	20
«Я взяла эту ноту — значок...»	21
«Как пыль с плаща...»	22
«Это — пульс разбега...»	23
«Какое проступает расставанье...»	24
«Вот улыбка — лодочка, челн...»	25
«Замолчала река, пряча тайны свои в зазеркалье...»	26
«Что ещё за кадром остаётся?...»	27
«Посмотри на восток...»	28
«Струна моя, душа моя, тоска...»	29
«Кромка прибрежных снов, пережиток, память»	30
«Хватая сердцем жизнь, как небо ртом...»	31
«Жар прорывая коленями и локтями...»	32
Ангел-хранитель	33
«Кто эту ноту впрыснул в этот воздух?...»	34
«Узнавание медленно тронет глаза...»	35
«Возьми меня под руку. Улицы тихо дрожат...»	36
«Одиночество — суть...»	37
Озеро Балхаш. Казахстан	38
«Я пробелом строку заменяю...»	39
«Это я, это не кто-нибудь...»	40
«Только призрак пропащий...»	42
«Сны — горошины белые — катятся по мостовой...»	43

«Темно. И потому светло...»	44
«Это не трава...»	45
«Страшные ветра, те ещё...»	46
«Я с варежек роняю мокрый снег...»	47
«Терять — как стареть, как стараться успеть...»	48
«Белые дни городом грубо взрыты...»	49
«В оловянный испуганный холод...»	50
«Уезжая в столицу...»	51
«Терять, терять, терять...»	52
«Вот и треснуло небо с холодной водой...»	53
«Мы, брошенные дети января...»	54
«Что за блажь такая...»	55
«Я плакала у ветра в рукаве...»	56
«Может быть, здесь, в этой осенней улице...»	57
«Это не боль, это лица мелькают...»	58
«Одно-единственное дерево...»	59
«Этот автобус, сотканный сплошь из пыли...»	60
«По холодной траве...»	61
«Я собираю приметы обычных вещей...»	62
«Где мы, счастливые ветром дождливым...»	63
«За минуту до гулакой полуночи сделать глоток...»	64
«Если в чай пролить молоко...»	65
«Человек в белом открыл голубую дверь...»	66
«Что же ты плачешь, как ветер сирий...»	67
«Вот лестничный пролёт...»	68
«Космы по ветру степному...»	70
«Я никогда не вернусь...»	72
«Всё разбилось...»	73
«Как в замедленном кадре мы...»	74
«Вероника, левый загребной...»	75
«По ту сторону зренья — такие снега...»	76

«Уходя от себя, оглянусь в беспокойную тьму...»	77
«Зелёное окно, когда ты отворилось...»	78
«По усталости уличных плит...»	79
«Матушка, Маша, озёрный твой голос...»	80
«А кроме любви ничего и нет...»	81
«Я несла в животе голос горькой звезды...»	82
«Если ты знаешь, что значит ждать...»	83
«Мне губы ветра твои студят...»	84
«...А в летнем городе пустом...»	85
«Осень — время чего-то свыше...»	86
«Разгляжу через небо, развешанное кое-как...»	87
«Полжизни на ладони улеглось...»	88
«Ты уезжаешь — туда или отсюда?...»	89
«Спасибо тебе за всё...»	90
«К воде подойди, пересохшие губы...»	91
«Сердце, сердце — как земля в огне...»	92
«В беззвёздном, заколоченном доме...»	93
«Когда в миру благословенном...»	94
«Никак не могу ощутить эту острую кромку!...»	95
«Иногда мне хочется писать письма умершим людям...»	96
«Яблоко, подобранное в усадьбе Рахманинова...»	97
«Этот ветер — то ли след помела...»	98
«Вот бог, а вот бессонница до края...»	99
«Шёпотом, шорохом, еле дыша...»	100
«Лица в сумерках чуть различимы...»	101
«В час, разбуженный голосом утренним...»	102
«Я хотела бы встать за твоим плечом...»	103
«Трава безликая, откуда взять любви...»	104
«Только запах один — мокрой глины и талого льда...»	105
«Пронесутся птицы над водой...»	106
«На пыльном балкончике, свесившись над пустотой...»	107

«Прочищая русло у ручья...»	108
«Это ливень за окнами — первая весточка...»	109
«За то, что дым глаза слепил...»	110
«Алое зёрнышко...»	111
«Так хочется, чтоб пауза звучала...»	112
«Ты знаешь, как небытие приходит...»	113
«Я хочу позабыть своё знание...»	114
«Вот — ты свободен, ты выброшен миру, и что же?..» . . .	115
«Как хорошо, когда...»	116
«Качнётся воздух — зыбок, многозначен...»	117
«Красным светом как зреньем вещим...»	118
«Что есть в человеке...»	120
«По суетным словам скользить губами...»	121
«На бельевой верёвке за окном...»	122
«Вот ладони. И тополя ствол...»	123
«Ещё восемь месяцев жизни...»	124
«Сквозь мутный свет ресниц полукрытых...»	125
«Пить неизвестности туман...»	126
«Душа моя, корочка хлеба на бедном столе...»	127
«Какая печаль обещана...»	128
«Выдохни. Вдох — обновление и боль...»	129
«Гори, гори! Какая тут зима...»	130
«Я вижу камень и огонь...»	131
«Серая птица выглянула из полночи...»	132
«Женщина... — тёмно-бордовые шторы в окне...»	133
«Как бьётся ночь в простенок лба...»	134
«Отлучат ли меня от моих тайн?...»	135
«От сонного детства останутся детские сны...»	136
«Протяжное сплетение корней...»	137
«Какая глубина...»	138

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ»

Издано:

- Валентина Телегина.* Богородская трава. 2005
- Владимир Радкевич.* Вечность нас пригласила в гости. 2007
- Александр Кердан.* Избранное. 2008
- Николай Година.* Избранное. 2008
- Анатолий Гребнев.* Берег родины. 2008
- Сергей Чепров.* Когда болит... 2009
- Наталья Поляченко.* Неоконченный портрет. 2009
- Алексей Решетов.* Избранное. 2009
- Борис Бурмистров.* Сквозь сумерки времён. 2011
- Литературная студия «Тропа».* Избранное. 2011
- Нина Ягодинцева.* Избранное. 2012

Подробная информация об изданиях и заказ книг на сайте
www.mamotov.ru

Литературно-художественное издание

Елена БЕЗРУКОВА

КНИГА ВЕТРА

Редактор Н. Ягодинцева

Оформление Л. Пенягина

Вёрстка Л. Черных

Корректор И. Плотникова

Координатор проекта Г. Цыганкова

Фото А. Степанов, Н. Ягодинцева

Фотопортрет О. Дубина

Безрукова Е. Е.

Б39 Книга ветра: стихотворения. — СПб.: Издательство «Маматов»,
2015. — 144 с.

УДК 882

ББК 84 (2Рос=Рус) 6—5

Подписано в печать 5.03.2015. Формат 70х100^{1/32}.

Гарнитура Lazurski. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Издательство «Маматов»

190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а,

www.mamatov.ru